

О причинахъ и времени замѣны гласнаго чтенія литургійныхъ молитвъ тайнымъ.

Въ настоящее время всѣ молитвы литургій, кромѣ заамвонной, у насъ читаются священнослужачимъ тайно (*υβτιχῶς*) отъ народа. вмѣсто цѣльныхъ молитвъ послѣдній слышитъ лишь такъ называемыя *возгласы*, то есть окончанія молитвъ, содержащія славословіе св. Троицы, большею частію въ видѣ заключенія причиннаго періода ¹⁾, или краткія извлеченія, отрывочныя фразы изъ середины ихъ ²⁾, между которыми нѣтъ видимой связи и нелегко возстановить ее тому, кто незнакомъ съ содержаніемъ молитвъ и никогда не имѣлъ въ рукахъ служебника. Совершенно обратное явленіе представляла въ этомъ отношеніи литургійная практика первыхъ трехъ-четырехъ столѣтій: тамъ гласное, общенародное произнесеніе молитвъ предполагалось само собою, являлось своего рода *conditio sine qua* поп самой литургійной службы. Въ доказательство этой мысли сошлемся прежде всего на извѣстное мѣсто Апологіи Іустиновой (главы 65—67), въ которомъ отъ лица вѣрующихъ своего времени послѣдній писалъ: „По окончаніи молитвъ (о себѣ и новокрещенномъ), мы привѣтствуемъ другъ друга лобзаніемъ. Потомъ къ предстоятелю братій приносятся хлѣбъ и чаша воды и вина, и онъ, взявъ,

¹⁾ Напримѣръ: Яко Твоя держава, Яко благъ и челоуѣколюбець Богъ еси, Яко подобаетъ Тебѣ всякая слава, Яко святъ еси Боже нашъ, Да и тѣи съ нами славятъ, Яко да подь державою Твоею, Щедротами едиnorodнаго Сына Твоего; Всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.

²⁾ Какъ то: Побѣдую пѣснь поюще, Пріимите, ядите, Пійте отъ нея вси, Твоя отъ Твоихъ Тебѣ приносяще, Изрядно о Пресвятѣй...

возсылаеть именемъ Сына и Духа Святаго хвалу и славу Отцу всего и подробно совершаетъ благодареніе за то, что Онъ удостоилъ насъ этого. Послѣ того, какъ онъ совершитъ молитвы и благодареніе (*τὰς εὐχὰς καὶ τὴν εὐχαριστίαν*), весь присутствующій народъ возглашаетъ (*ελευσθημεν*), говоря: *Аминь*. *Аминь* на Еврейскомъ языкѣ значитъ: Да будетъ“¹⁾. Что народъ *подтверждалъ* произносившіяся предстоятелемъ *вслухъ всѣхъ* молитвы и благодаренія, въ этомъ завѣряетъ одно мѣсто изъ письма Діонисія Александрійскаго къ Римскому епископу Сиксту, приведеннаго въ церковной исторіи Евсевія (кн. VII гл. 9; русск. пер. стр. 406—407). „Я не держу“, писалъ первый ко второму объ одномъ изъ крещенныхъ еретиками, но находившемся въ давнемъ общеніи съ церковію, „снова готовить (ко крещенію) того, кто *выслушивалъ благодаренія*, и *вмѣстѣ* съ прочими произносилъ *Аминь* (*εὐχαριστίας γὰρ ἐλαχούσατα καὶ συνεπιφθερεῖσθαι μενοὶ τὸ αἴψιν*), и предстоялъ предъ трапезою, и протягивалъ руки для принятія св. пищи“... Въ одномъ изъ древнѣйшихъ литургійныхъ списковъ—Александрійскомъ Людольфовомъ послѣ словъ: *Достойно и праведно* объ участіи въ литургійномъ канонѣ молящихся даже прямо замѣчено: „Потомъ произносятъ (*dicunt*) евхаристическую молитву, *слѣдуя за предваряющимъ епископомъ* (*episcorum praeeuntem sequendo*)“²⁾.

Въ названномъ памятникѣ молитвы кратки и дословное повтореніе ихъ не представляло затрудненія и не требовало для себя продолжительнаго времени. Но, съ увеличеніемъ состава литургіи, достигшаго въ III—IV вѣкѣ значительнаго размѣра, читать вслухъ всѣ молитвы потребовалось бы слишкомъ много времени, да и вниманіе слушателей теперь стало не такъ сосредоточенно, какъ было прежде. Для нихъ нужно было замѣнить это слушаніе пѣніемъ и сократить ходъ службы, дозволивъ священнику читать молитвы тайно въ то время, какъ діаконы съ молящимися отправляютъ параллельныя части службы. Теперешнее симметрическое расположеніе ектеній и продолжительность пѣнія тѣхъ или дру-

1) Swainson, The Greck Liturgies, 207—208; см. Собр. древн. лит. въ русск. пер. вып. I, стр. 40—42.

2) Ludolfi Ad suam historiam Aethiopicam Commentarius, pag. 324; Bunsen, Hippolytus und Seine Zeit, B. II, S. 444; см. Собр. лит. въ русск. пер. вып. III, стр. 8.

гихъ церковныхъ пѣсней, въ то время какъ священнослужашій тайно читаетъ положенныя въ служебникѣ молитвы, приноровлены къ числу, объему и порядку самыхъ молитвъ, и, очевидно, сформировались подъ вліяніемъ теперешней практики. Церковный уставъ повелѣваетъ диакону въ своихъ возгласеніяхъ сообразоваться съ дѣйствіями въ алтарѣ священника. Замѣчательное правило сохранилось относительно этого въ нѣкоторыхъ древнихъ греческихъ и славянскихъ діатаксистахъ литургіи Златоустовой. Въ концѣ ектеніи, послѣ прошенія: *Заступи, спаси, помилуй*, замѣчено: „*Си убо глаголя, дяконъ зрѣтъ къ ерею, и вегда познаетъ, яко сконча молитву, и абѣ глаголетъ: Премудрость*“¹⁾.

Не безъ вліянія на замѣну гласнаго чтенія литургійныхъ молитвъ тайнымъ осталась и *disciplina arcani*. Ея основной мотивъ—неоглашаемость таинъ вѣры и богослуженія предъ непосвященными въ тайны въ разныя эпохи церкви былъ понимаемъ и примѣнялся различно къ тѣмъ или другимъ членамъ христіанской общины. Когда въ церкви стало падать учрежденіе катыхумената, эта система получила новую форму и нашла себѣ новое приложеніе. Въ силу ея теперь проведено было строгое раздѣленіе между совершителемъ таинствъ и народомъ, между клиромъ и заурядными членами церкви. Первымъ было усвоено высшее вѣдѣніе, особенное озареніе св. Духомъ, вообще высшая степень духовнаго пониманія, а потому имъ предоставлено было и несравненно большее участіе въ таинствахъ вѣры; остальные же члены, какъ непосвященные въ высшія тайны, были въ значительной мѣрѣ лишены этого участія, ограничены своею особенною областью молитвъ. Какъ скоро проведено было это раздѣленіе, естественно, что на долю священносовершителя выпало много и притомъ главнѣйшихъ молитвъ, которыя онъ обязанъ былъ читать тайно отъ народа, какъ ему одному доступныя по содержанію. „Божественный іерархъ, выражаясь словами Діонисія Ареопагита, хотя и низводитъ благоволительнo къ подчиненнымъ ему свое единое само въ себѣ священно-начальственное вѣдѣніе, пользуясь многообразіемъ священныхъ символовъ, но тотчасъ же, какъ

¹⁾ Гоара *Евхолог.* р. 91; Красносельцева Н. Ф. Матер. для истор. лит. стр. 58—59.

неуловимый и неудержимый для (вещей) низшихъ, безъ всякой переменны въ себѣ возвращается къ своему начальственному служенію“¹⁾. Вотъ общее и лучшее выраженіе той системы, которая, установивши различіе между іерархіей и простыми вѣрующими въ отношеніи правъ богослуженія и пониманія обряда, замкнула священника и епископа въ кругѣ имъ однимъ доступныхъ служеній и молитвъ, а мирянамъ оставила довольствоваться весьма немногимъ изъ очень многого, ранѣе ими слышаннаго и видѣннаго за литургіей.

На образованіе этой замкнутости литургійнаго обряда имѣло, намъ кажется, вліяніе и еще одно обстоятельство. Въ древности, въ первые три—четыре столѣтія, по возможности, всѣ вѣрующіе приобщались Св. Тайнъ вмѣстѣ съ священнослужителемъ и въ силу обычая приношеній ближе участвовали въ совершеніи литургіи, чѣмъ христіане послѣдующаго времени, когда обычай приношеній постепенно началъ выходить изъ употребленія, и міряне стали все рѣже и рѣже приступать къ причащенію.

Насколько легко представить себѣ послѣдствія, какими отозвалась замѣна гласныхъ молитвъ тайными на самомъ строгѣ литургійной службы, распавшейся послѣ того изъ цѣльнаго богослужебнаго акта на двѣ параллельныхъ части—одну, предоставленную народу, другую отправляемую въ алтарѣ священникомъ; настолько же трудно обозначить точно хронологическій предѣлъ, съ котораго начала вытѣсняться древне-христіанская практика общенароднаго произнесенія литургійныхъ молитвъ, и когда окончательно уступила она мѣсто тайному чтенію послѣднихъ. Есть основанія утверждать, что переменна эта произошла приблизительно въ пятнадцатомъ столѣтіи, хотя начало ей было положено нѣсколько раньше, какъ можно догадываться уже изъ 19 правила Лаодикійскаго собора, предписывающаго по выходѣ оглашенныхъ и кающихся изъ храма „совершати молитвы вѣрныхъ три: едину, то есть первую, въ молчаніи (*δία σιωπῆς*), вторую же и третію съ возмнѣнемъ (*δία προφωνήσεως*) исполняти“. Для соображеній по этому вопросу имѣются двоякаго рода данныя: одни указываютъ еще на продолженіе древняго

¹⁾ Писаній св. отецъ и учителей церкви, относящ. къ истолков. богослуж. т. I, стр. 75.

обычая, а другія говорятъ объ его вытѣсненіи новымъ порядкомъ вещей. Въ одной изъ своихъ бесѣдъ св. Іоаннъ Златоустый оставилъ намъ осязательное доказательство того, что въ его времена литургія продолжала сохранять свой прежній, вполне открытый характеръ и гласное чтеніе евхаристійныхъ молитвъ было дѣломъ обычнымъ. „Есть случаи, въ которыхъ священникъ“, рассуждаетъ св. отецъ, „ничѣмъ не отличается отъ подначальнаго, напримѣръ, когда должно причащаться страшныхъ Таинъ... И въ молитвахъ, какъ всякій можетъ видѣть, много содѣйствуетъ народъ, ибо и о бѣсноватыхъ и о кающихся совершаются общія молитвы священникомъ и народомъ... И молитвы благодаренія также суть общія, ибо не одинъ священникъ приноситъ благодареніе, но и весь народъ; ибо, сперва получивъ отвѣтъ отъ народа и потомъ согласіе, что *достойно и праведно* совершаемое, начинаетъ священникъ благодареніе. И что удивительнаго, если вмѣстѣ со священникомъ взываетъ и народъ, когда онъ возноситъ оныя священныя пѣсни совокупно съ самими херувимами и горними силами. Все же сіе сказано мною для того, чтобы каждый изъ подначальныхъ трезвился, чтобы мы знали, что всѣ мы едино тѣло есмы и столько же различаемся одинъ отъ другого, сколько членъ отъ члена, и чтобы мы не все возлагали на однихъ священниковъ, но и сами пеклись о всей церкви, какъ о тѣлѣ, всѣмъ намъ общимъ“ 1). Златоустъ воспроизводитъ въ этихъ словахъ литургійную практику своего времени, еще не успѣвшую уклониться отъ богослужебныхъ образцовъ первохристіанской древности.

Въ новыя условія церковной дисциплины переносить насъ 137-я новелла импер. Юстиніана († 565), указывающая уже на существенное измѣненіе столь крѣпко державшагося еще во времена Златоуста древняго обычая гласнаго чтенія литургійныхъ молитвъ. „Повелѣваемъ, говорится въ ней, чтобы всѣ епископы и пресвитеры не тайно (*non in secreto*) совершали божественное приношеніе и бывающую при св. крещеніи молитву, но такимъ голосомъ, который хорошо былъ бы слышимъ вѣрнымъ народомъ (*sed cum ea voce, quae a fidelissimo*

1) Бес. 18 на 2 посл. Коринѣ., русск. пер. стр. 237—238. М. 1851; см. Бес. 21 на Дѣянія. русск. пер. стр. 390. СПб. 1836.

populo exaudiatur), дабы души слышавшихъ приходили отъ того въ большее благоговѣнiе, богохваленiе и благословенiе“... Но императорскiй указъ, хотя бы и скрѣплявшiйся авторитетомъ Апостола (1 Коринѣ. XIV, 16—17; Римл., X, 10), не могъ измѣнить исправить дѣла и удержать начавшееся движенiе въ области богослуженiя. Новая практика, не будучи еще повсемѣстною, пустила однакоже глубокiе корни и имѣла за себя сильные голоса. И то и другое доказываетъ разсказъ Иоанна Мосха въ его Лугѣ Духовномъ, близкомъ по времени къ приведенному распоряженiю импер. Юстинiана. „Такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, говорится здѣсь, „священники имѣли обыкновенiе читать молитвы вслухъ, то дѣти, стоявшiя въ священнхъ собранiяхъ весьма близко къ нимъ, предъ святилищемъ, слышали слова и запомнили ихъ“. Въ своей дѣтской забавѣ они вадумали повторить молитвы и дѣйствiя литургiйной службы, назначивъ одного изъ среды своей священникомъ, двоихъ діаконами, возложивъ шутя хлѣбъ на камень и вливъ вина въ глиняный сосудъ. Но когда все по церковному обыкновенiю было сдѣлано, то прежде, чѣмъ раздробленъ былъ хлѣбъ, сошелъ съ неба огонь и потребилъ все предложенiе, такъ что не осталось и слѣдовъ отъ камня и приношенiя ¹⁾. Можно думать, что настоящее сказанiе, по которому чтенiе евхаристiйныхъ молитвъ во всеуслышанiе въ концѣ VI—началѣ VII столл. имѣло мѣсто лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, передано авторомъ Луга Духовнаго отчасти въ интересахъ все больше и больше входившаго въ силу обычая тайныхъ молитвъ, такъ какъ оно въ этомъ примѣрѣ профанацiи евхаристiйной тайны дѣтскими прекрасно подчеркивало нежелательныя послѣдствiя прежней практики. Ко времени Константинопольскаго патр. Германа (715—732) тайное чтенiе молитвъ сдѣлалось всеобщимъ правиломъ. Изъ всѣхъ литургiйныхъ молитвъ одна только заамвонная произносилась тогда вслухъ и тѣмъ самымъ выдѣлялась изъ ряда другихъ, составляя исключенiе изъ общаго правила. Пысли патрiарха Германа, она служила замѣною того, что было скрыто отъ народа въ тайныхъ молитвахъ священника, и какъ бы разрѣшала справедливыя недоумѣнiя и запросы тѣхъ, которые не находили достаточныхъ основанiй для чте-

¹⁾ Лугъ дух. гл. 194, русск. пер. стр. 215—217. М. 1848.

нія молитвъ втайнѣ. „Такъ-какъ нѣкоторые изъ стоящихъ внѣ алтаря часто приходятъ въ недоумѣніе, споря между собой и говоря: какая цѣль, мысль и сила тихо читаемыхъ (*ἑσποφωρισμένων*) молитвъ, и желаютъ получить объ этомъ нѣкоторое понятіе, то поэтому божественные отцы и начертали (заамвонную молитву), какъ бы сокращеніе всего, о чемъ было просимо (въ продолженіе литургіи) и такимъ образомъ сообщаютъ желающимъ понятіе о платѣ по бахрамѣ“¹⁾.

Слѣды древней практики гласнаго чтенія молитвъ, не смотря на давнее прекращеніе ея, и до сихъ поръ даютъ себя чувствовать въ возгласахъ, общемъ планѣ церковной службы и въ нѣкоторыхъ мелкихъ и, повидимому, случайныхъ чертахъ. Такъ, напримѣръ, въ нашей литургіи ектеніи, предшествующія Херувимской пѣсни, заканчиваются воззваніемъ діакона: „Премудрость“. Это выраженіе по употребленію его въ литургической практикѣ древней и новой всегда имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ дѣло идетъ о возбужденіи вниманія слушателей къ какому-либо важному дѣйствию или чтенію. Но въ этомъ мѣстѣ ни въ древнихъ, ни въ нынѣшнихъ литургіяхъ не встрѣчается ничего другого, кромѣ молитвъ. По нашему мнѣнію, воззваніе: „Премудрость“ возбуждало вниманіе слушателей къ слѣдовавшимъ за ектеніями молитвамъ о вѣрныхъ. Теперь, когда послѣднія читаются тайно и отъ нихъ слышатся только возгласы, первоначальное значеніе обращенія къ присутствующимъ въ храмѣ съ словами: „Премудрость“ совершенно утрачено. Употребленіе далѣе *множественнаго* числа въ изложеніи содержанія литургійныхъ молитвъ что другое, какъ не слѣдъ прежняго нѣкоего участія въ произнесеніи ихъ опять таки народа, подобно тому, какъ остатокъ отъ древне-христіанскаго всенароднаго пѣнія представляетъ изъ себя исполненіе священнослужителями, ликами, а по мѣстамъ и самимъ народомъ входнаго: *Придите поклонимся* или *Свѣте тихій* за архіерейскою, архимандричьею и даже простою священническою службой?

А. Голубцовъ.

¹⁾ Св. Германа, патр. Констант., Послѣдовательное изложеніе церков. службъ и обрядовъ: Миня Patrolog. t. 98, p. 452; русск. перев. въ писанн. т. I, стр. 425; ср. Толков. Феодора Авдидскаго въ ст. Н. Θ. *Красносельцева*: Прав. Соб. 1884 г., ч. 1 стр. 413.